

Называя Баггесена и Мольтке «чувствительными путешественниками», автор «Писем» всячески подчеркивает искусственность, ложность их чувствительности, выраженной крайне нарочито и неестественно. Восхищаясь швейцарским пейзажем, Мольтке громогласно и достаточно нелепо демонстрирует свою способность ценить красоту природы (неотъемлемое качество чувствительного человека!): «Мольтке, смотря на Белую гору, подымал руки, громкими восклицаниями изъявлял восторг свой, уверял, что он хотел бы жить и умереть на снежной вершине ее, и дивился тому, что никто из земных владык, для бессмертия славы своей, не вздумал намостить большой дороги от низу до верху сей горы так, чтобы туда можно было ездить в каретах. Вы видите, что граф любит гигантские мысли!»⁶

Ложные представления о чувствительности и способах ее проявления вызывают неизменную насмешку Карамзина и в ряде других случаев. Рассказывая, например, о своем знакомом живописце, страстном поклоннике Руссо, автор «Писем» упоминает: «...он между прочим изобразил его (Руссо. — Н. К.) целую юбку фланелевую юбку, присланную ему на жилет от госпожи Д*. Молодому живописцу показалось это очень трогательным». «Люди имеют разные глаза и разные чувства», — кратко, но достаточно выразительно характеризует «русский путешественник» этот эпизод.⁷ Здесь же он по-своему высказывает восхищение Руссо и даже преклонение перед ним.

Привлекая большой и разнообразный материал, М. А. Арзуманова показала, что с сатирическими выпадами против произведений сентиментализма выступают и сами писатели-сентименталисты или близкие им по эстетическим взглядам авторы.⁸ Чаще всего, однако, речь идет не о критике сентиментализма как такого, а о борьбе его приверженцев против ложной чувствительности. В сущности полемика отдельных авторов внутри одного направления — процесс вполне обычный и закономерный. Аналогичные явления хорошо известны и в литературе русского классицизма. Специфика направления, пришедшего ему на смену, состояла, в частности, в известной раздвоенности сознания, отказе от метафизичности и усилении субъективного начала. Все это как раз и способствовало развертыванию подобной полемики. Замечательно также, что в нее включаются самые ярые апологеты чувствительности. Так, одним из них оказался И. И. Мартынов.

П. А. Орлов справедливо отметил, что юмор Мартынова «направлен не против чувствительности вообще, а лишь помогает автору удерживать ее в строгих рамках».⁹ В добавление следует отметить, что в «Филоне» Мартынова ложная чувствительность

⁶ Там же. Ч. 7, кн. 1. С. 50.

⁷ Там же. Ч. 6, кн. 1. С. 46.

⁸ См.: Арзуманова М. А. Русский сентиментализм в критике 90-х годов XVIII в. // Русская литература XVIII века: Эпоха классицизма. М.; Л., 1964. С. 197—223. (XVIII век. Сб. 6).

⁹ См.: Орлов П. А. Русский сентиментализм. М., 1977. С. 174.